

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Р. И. Олексенко

**Мелитопольский Государственный педагогический университет имени
Богдана Хмельницкого, г. Мелитополь, Украина**

THE ROLE OF EDUCATION IN THE PHILOSOPHY OF SOCIAL AND ECONOMIC DEFINITION OF MARKET ECONOMY

R. Oleksenko

**Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky
in Melitopol, Ukraine**

Summary. The main socio-economic processes of economic development and the establishment of business since the time of the Russian Empire to the present through the prism of time.

Key words: philosophy; market power; market economics; politics.

Чрезвычайно сложная политическая и экономическая ситуация, которая сложилась в Украине, обусловлена особенностями переходного периода от тоталитарной системы к гражданскому, демократическому обществу, к социально ориентированной рыночной экономике.

Главный вопрос, который возникает в процессе структуризации общества, заключается именно в том, на основе какой экономической парадигмы должно формироваться это общество, какие доминанты должны пронизывать все структурные уровни системы, в конце концов, какие константы должны скреплять его каркас. Интеллектуальные поиски сейчас ведутся преимущественно вокруг цивилизационной парадигмы, одно из направлений которой предусматривает постепенное и неуклонное включения всех структур Украины в мировые политические и экономические процессы.

Современное эффективное функционирование рыночной экономики возможно только при наличии в стране определённых внешних и внутренних факторов, обеспечивающих благоприятную почву для развития предпринимательства. Для характеристики условий, в которых осуществляется предпринимательская деятельность, используют понятие предпринимательской среды. «Под предпринимательской средой, – пишет О. Кудласевич, – понимают совокупность разнородных составляющих, окружающих предпринимателя в его хозяйственной деятельности, благоприятные социально-экономические, политические, общественно-правовые условия, гарантирующие экономическую свободу для занятия предпринимательской деятельностью. Предпринимательская среда формирует интегрированную совокупность объективных и субъективных факторов, что даёт возможность предпринимателям преуспевать в реализации поставленных целей и в осуществлении предпринимательских проектов, получении прибыли. В широком плане предпринимательская среда и её основные составляющие задаются экономической системой каждого государства» [1].

Современное предпринимательство отличается от подобной деятельности прошлых веков именно тем, что стремится не вступать в противоречия с общепринятыми морально-этическими принципами, а наоборот инновационно их использовать или даже определять тенденции нравственного самовыражения современного человека. В связи с этим «человек экономический» современного типа выступает как феноменологическая целостность экономически коммерческих бизнесово-предпринимательских целей и мотивов и мировоззренческо-ценностных, морально-этических установок, принципов, идеалов, личностно-творческих энергетических самопроявлений [3].

Условия становления и развития предпринимательства на украинских землях вследствие различного типа государственного управления существенно отличались от западноевропейских. Как показывает Т. Лазанська, из-за низкого уровня первичного накопления капитала отечественное предпринимательство зародилось как государственное (казённое). Следует признать, что сотни лет российское государство держалось на эксплуатации крепостных крестьян и поддерживалось

незаинтересованным в промышленном росте дворянстве, которое выполняло военные и административные функции. Большой прослойки свободного населения, способного на свободное предпринимательство, в Российской империи просто не было, поэтому управление промышленностью осуществлялось административными методами, в отличие от Западной Европы, где организатором мануфактурного производства были купеческие гильдии, которые пользовались достаточно широкими правами (не последнюю роль в их распространении сыграло и Магдебургское право, которое распространялось на значительное количество европейских городов) [2].

В XVIII веке развитию украинского предпринимательства мешало отсутствие наёмной рабочей силы, поскольку крепостничество тормозило формирование рынка труда, не могла достаточно широко развиваться мануфактура. Примечательно, что правительство направляло на мануфактуры солдат, заключённых и пленных, то есть переносило методы административного, репрессивного хозяйствования и в раннюю мануфактурную промышленность. Посессионные (контролируемые государством) мануфактуры находились под строгим надзором правительства, государство имело право их конфисковать, руководствуясь бюрократической логикой, а не положениями закона. Предпринимательство в Российской империи развивалось, как справедливо доказывает О. Кудласевич, государственно-крепостническим путём за счёт безжалостной эксплуатации человеческих ресурсов и за счёт непрерывного расширения вмешательства государства в социальную жизнь [2].

Так же и в XIX в. значительная доля распорядительных и исполнительных функций сосредотачивались в центральных звеньях бюрократического аппарата, а это приводило к торможению частной активности и независимой от власти предпринимательской инициативы. Крепостническо-бюрократическая система привела общество к глубокому социально-экономическому кризису. В результате отмены крепостного права в 1861 г. открылся новый этап в истории общества и предпринимательства. Было освобождено из крепостной зависимости примерно 52 миллиона человек, введены земельная, судебная и другие реформы. Они способствовали ослаблению бюрократической централизации и постепенному утверждению рыночного способа хозяйствования, развитию товарно-денежных отношений, формированию рынка труда, появлению большего количества частных капиталов, росту производства товаров, что положительно повлияло на темпы развития хозяйства.

Период XIX – начала XX в. в России характеризуется быстрым ростом хозяйства и существенными изменениями в его структуре. Российская империя очень отставала в своём экономическом развитии от передовых западноевропейских стран, а становление рыночного предпринимательства на фоне пережитков крепостничества отрицательно сказалось на социальном развитии. Этот период стал временем ускоренного роста капитализма, но элементы рынка тесно переплетались с командно-административным вмешательством государства. Объективные факторы роста – экономические законы рынка, которые дали жизнь крупной фабрично-заводской промышленности, сосуществовали с субъективными – покровительственной политикой правительства и патронатом бюрократии над новой буржуазией. Переход от умеренной до откровенно протекционистской экономической политики в конце XIX века предусматривал активное вмешательство государства в экономическую жизнь общества, обуславливал укрепление экономического могущества самодержавия и препятствовал развитию рыночных отношений.

Охранные принципы государственного протекционизма нашли своё яркое проявление в таможенной политике, вводились высокие таможенные тарифы с целью поощрения отраслей промышленности (под активным давлением со стороны местной буржуазии). Вопрос таможенной политики нашёл свою трактовку и в работах тогдашних учёных-экономистов. Экономисты украинского происхождения видели в политике таможенного протекционизма экономический дуализм (Д. Пихно [4]), называли её обоюдоострым (М. Туган-Барановский [5]) и характеризовали как временную меру. Они отмечали, что протекционистская политика опирается на систему высоких таможенных пошлин, которые дают возможность ослабить иностранную конкуренцию и увеличить прибыль. В то же время отечественные учёные обращали внимание на избирательность такой системы, защищались только определённые отрасли производства, а все остальные превращались в отсталые, несли убытки. Результатом проведения такой политики экономисты предполагали

противодействие и репрессивные меры со стороны других стран, что негативно повлияло бы на национальное хозяйство. Таким образом, украинские учёные видели в таможенной политике мощный инструмент воздействия на экономику и развитие предпринимательства. Одновременно с этим экономисты отмечали, что необходимо постоянно согласовывать таможенную политику с интересами отечественных производителей, населения, а также с интересами стран-партнёров по внешней торговле. Научная и политическая дискуссия завершилась принятием нового таможенного законодательства, которое начало действовать с 1868 года и стало выгодным как для промышленников, так и для правительства [1].

С середины 60-х годов XIX в. правительство расширяет практику казённых заказов, которые стали ведущей формой поддержки государственных предприятий крупной промышленности. Благодаря государственным авансам лояльная буржуазия без рыночного риска и серьёзных технических усовершенствований получала большие прибыли. Крупнейшим заказчиком промышленной продукции выступало государство, финансирование предоставлялось на годы вперёд и было вдвое дороже обычной рыночной стоимости. С 60-х годов XIX в. государственным банком предоставлялись займы, которые стали поддержкой крупного капитала.

Первыми объектами правительственной поддержки стали металлургические заводы Украины (тогдашней Малороссии), где с помощью протекционизма были заложены основы для организации крупного капиталистического предпринимательства монопольного типа. Практика широкого неуставного финансирования продолжалась до конца XIX века, поэтому ускорение промышленного развития сопровождалось прямым государственным вмешательством в промышленность. Главной целью экономической политики правительства в то время стало создание крупных предприятий в отраслях тяжёлой промышленности как основы военной мощи Российской империи. Протекционистская политика царизма создавала благоприятную среду для крупных предпринимателей Украины. «Вся практика государственного финансирования южных предприятий нацелилась на поддержку небольшого количества самых крупнейших из них, и поэтому такую помощь получал достаточно ограниченный круг предпринимателей. Металлургическая промышленность Украины возникла в форме крупных капиталистических предприятий с привлечением больших капиталов, доступных только паевым и акционерным обществам, уже на ранней стадии развития появились государственно-капиталистические тенденции» [1].

Нобелевский лауреат Д. Норт известен как один из основателей новой институциональной экономики, а также Б. Уейнгафт и Дж. Дж. Уоллиспоказали что мировые лидеры движутся в следующем направлении: от общественного порядка «с ограниченным доступом» к «с открытым доступом». Эти общественные уклады, по версии этих влиятельных экономистов, принципиально отличаются способами поддержания общественного порядка (в противовес насилию) [7].

При «ограниченном доступе» к распределению благ в обществе насилие сдерживается путём преобразования социальных групп, стремящихся доминировать, в «респектабельных» бизнесменов. Авторитарная власть, или олигархия, в обществе представляет реальную угрозу её собственникам и доступу к богатству. Власть придаёт этим политически ангажированным предпринимателям (олигархам) возможность доступа к наиболее выгодным сферам распределения экономических благ и (или) искусственно ограничивает доступ привлекательных экономических возможностей конкурирующих социальных групп (например, мелким предпринимателям), устраняет конкуренцию, чтобы наделить своих союзников сверхбольшими доходами. Таким образом, наиболее хищнические политико-экономические группировки (как их метко называет отечественная социальная философия – «кланы») получают возможность, как и раньше, грабить сограждан, но уже упорядочено, в рамках действующего законодательства. Им становится выгоднее эксплуатировать, получать на них ренту (через доступ в государственный бюджет), чем применять методы прямого насилия.

В олигархическом и авторитарном обществе всё определяют привилегии, неважно, формальные или неформальные, главное, что гарантированные персональными связями с бюрократической верхушкой государства. Если субъект экономической жизни не «человек от власти», он – «никто» и прав у него реально никаких нет. Накапливать становится рискованно, потому что всё равно рано или поздно могут отобрать «приближённые к власти». Открыть собственный бизнес – нужны

«связи», развивать его – нужна «крыша», получить доступ к лучшим условиям на рынке – нужно «дать на лапу» или «стать своим». Власть и собственность в таком типе социума являются нераздельными. Поэтому украинские специалисты отмечают, что у нас выстраивается «в лучшем случае – феодализм, в худшем – крепостничество и рабство. Правда, в наше время у таких стран появилась возможность расти, и даже довольно быстро, за счёт индустриализации, основанной на заимствовании технологий. Впрочем, для Украины это было актуально более полувека назад» [8].

Зато развитие экономики существует в режиме открытого доступа. Внеэкономического принуждения и насилия в таких обществах гораздо меньше, чем при ограниченном доступе. Монополию на насилие крепко держит в руках государство, контролируя граждан через механизм политической конкуренции. Д. Норт, Б. Уейнгаст и Дж. Дж. Уоллис настаивают на том, что именно конкуренция, а не выборность как таковая, является определяющим признаком нового уклада. Политическая конкуренция поддерживается также экономической, благодаря чему оппозиция имеет возможность опираться на поддержку независимого от власти бизнеса. А политическая конкуренция, в свою очередь, обеспечивает устойчивость и защищённость экономической, потому что обиженные действиями власти и отстранённые от доступа к экономическим возможностям предприниматели (или определённые социальные группы) находят защиту своих прав в политической оппозиции. Действительно современные западные общества показывают, что в условиях политической конкуренции монополизировать экономику и «выстраивать схемы» разворовывания государственного бюджета значительно сложнее и почти невозможно, поскольку оппозиция и свободная пресса стоят на страже общественных интересов ради собственного успеха в политической конкуренции. Популярный в украинской экономической мысли последних лет термин «модернизация» означает не что иное, как переход от общества ограниченного доступа к обществу открытого доступа к благам. Такой переход невозможно осуществить по воле действующей власти, если в конкретно-историческом обществе «не созрели» соответствующие социально-экономические предпосылки. Если власть сосредоточена в руках одного лица, то исторические примеры такого перехода очень редки. Ведь удержаться от соблазна злоупотреблять политической монополией ради создания экономической при ослабленном социальном контроле со стороны конкурирующих политических и экономических элит почти невозможно.

Опыт модернизации центрально- и восточноевропейских стран доказывает, что переход между двумя системами, которые основываются на взаимоисключающих принципах, не может быть безболезненным для общества, поэтому его желательно не затягивать. В современной ситуации в Украине переходное состояние между этими системами доказывает свою опасность: одни социально-экономические механизмы и институты уже неэффективны, другие ещё не созданы (и, похоже, не имеют шансов на создание). Именно поэтому на данном этапе, через который никак не может пройти украинская экономика и политическая система, особенно необходимо проведение системных реформ с целью установления «системы открытого доступа» к социально-экономическим благам.

Действующая в Украине власть «отчитывается» гражданам и международным партнёрам о «системных реформах», но реально проводит лишь «косметические правки» системы. Если подойти к строгому определению понятия, «экономические реформы» – это сознательные и скоординированные действия легитимной власти, которые приводят к качественному изменению поведения и отношений субъектов экономики – фирм, домохозяйств и органов самого государства. В этом состоит их коренное отличие от обычных мер правительства (например, изменения уровня регулируемых цен, корректировки цифр налогов и т. д.). Относительно последних действий отечественной власти по пенсионной проблеме: повышение возраста, стажа и другие изменения не являются реформой по сути. Это было бы реформой, если бы внедрялось накопительное страхование, обеспечение деятельности негосударственных пенсионных инвестиционных фондов и т. д.

Теория и практика показывает, что абсолютное большинство таких политических действий, как сокращение определённых статей бюджета или повышения налогов – стандартный пакет «затягивания поясов», прямого отношения к реформам не имеют (хотя это не означает, что такие меры не сопровождают настоящие реформы). Напротив, реформы могут заменять такие непопулярные меры благодаря оптимизации

экономического взаимодействия субъектов и изъятия «непрозрачных схем». Например, реформа жилищно-коммунального хозяйства: внедрение прозрачных механизмов, реальной взаимной ответственности плательщиков и поставщиков и другие нововведения позволили бы, во-первых, сразу уменьшить существующие злоупотребления, во-вторых, создать стимулы и механизмы для экономии у всех сторон, прежде всего уменьшение энергетических потерь. При этом тарифы регулировались бы рынком, а не озабоченной следующими выборами властью. Реформы образования, медицины и социальной помощи с целью оптимизации использования бюджетных средств и привлечения на легальной основе внебюджетных средств являются реальной альтернативой повышению бюджетных расходов на эти сферы. Однако указанные выше качественные изменения взаимодействия власти, экономики и общества требуют системных реформ, непосредственно создают предпосылки для «открытого доступа» и устраняют: ограничения для «неполитического бизнеса», монополизм и возможности для системной коррупции. «Отсутствие политической воли» теория Д. Норта объясняет очень просто: кто будет разрушать систему, на недостатках которой можно заработать огромные личные состояния и привилегии?

Возражением против теории Норта мог бы стать аргумент краха СССР – советская номенклатура «потеряла» командно-административную экономику и сделала рыночные преобразования. Некоторые публицисты утверждают, что никаких системных реформ в постсоветской Украине не происходило, но это не соответствует действительности. Вопреки описанной выше логике сохранения закрытого доступа, в Украине в кризисных 1990-х были проведены и многочисленные текущие реформы, которые создали институты независимого государства, и ряд системных (в частности, либерализацию цен, возможность свободно создавать предприятия, приватизацию с последующим отлучением предприятий от государственного бюджета и т. д.).

Советская «система» прогнила настолько, что на рубеже 80–90-х годов XX века сама разрушилась под тяжестью номенклатуры, особенно после Чернобыля и войны в Афганистане, которые ускорили экономический упадок. Но коммунистическая номенклатура успела переориентироваться на более жизнеспособную систему ограниченного доступа, которую называют олигархическим капитализмом. Страх перед падением в пропасть гражданской войны был той силой, которая заставила номенклатуру ограничивать сферу своего влияния до тех пор, пока её размеры не сузились до рамок реального контроля. Но после завершения необходимых реформ по оформлению независимой от Москвы страны, её «обновлённая» предпринимательно-клановая элита не изменила принципы ограниченного доступа и покорила своему влиянию государственные институты, на этом этапе системные реформы закончились, что устраивает олигархические кланы. Хуже для украинского гражданского общества было то, что при этом не была воплощена одна из главных предпосылок открытого доступа – «власть закона» (или «верховенство права», которое так и остаётся чисто декларативным и в Конституции, и в других актах государства). Строгость законов, как и во времена тоталитарно-авторитарной власти, умаляется необязательностью их выполнения, особенно чиновниками и привилегированными членами общества. А на избирательном применении нерациональных законов держится власть новой бюрократически экономической элиты, поскольку «своих» она от невыполнения законов «отмазывает», а врагов (политических и экономических конкурентов) наказывает (формально правильно, но не справедливо).

Такие неформальные привилегии превращают скромного (по западным стандартам) чиновника или представителя «силовых ведомств» во всемогущего «Начальника» и обеспечивают ему уровень жизни роскошнее, чем у большинства предпринимателей. Такое положение дел нарушает вторую важнейшую предпосылку рыночной экономики открытого доступа: политический контроль над силовыми структурами государства. Здесь находится основная пропасть между Украиной и Европой, которую действующие руководители страны не желают замечать. А различия между нами не в действующем законодательстве, а в системных подходах – при открытом доступе законы имеют власть над всеми гражданами, а в Украине (и других постсоветских республиках), как известно, только над самыми бедными и безвластными. К сожалению, оранжевая революция создала только одну составляющую открытого доступа – политическую конкуренцию, но не оправдала надежд на системные реформы. Она продемонстрировала, что пока на первом

месте для элит только передел общественного «пирога» в рамках ограниченного доступа, демократия сводится к грубому популизму. Пост-оранжевая власть уничтожает политическую конкуренцию как составляющую политической системы, поэтому на реформы в политической и экономической сфере надеяться не следует.

Экономическое благосостояние напрямую связано с вопросом о демократии, как доказывают американские исследователи Д. Асемоглу и Дж. Робинсон «Экономические основы диктатуры и демократии» [9]. Они доказывают, что бедные социальные группы создают опасность для существования наиболее обеспеченных – элиты, поэтому олигархи рискуют своей собственностью в условиях авторитаризма (хотя и получают огромные шансы на быстрое обогащение). Чем больше успели накопить олигархи, тем дороже обходится нестабильность и проявляется большая готовность «поделиться», откупиться от опасности. Однако пример Ходорковского в России показывает, что угроза не всегда идёт от «низов общества», иногда авторитарные правители сами посягают на собственность олигархов. Тем не менее, чтобы народ поверил обещаниям политиков «делиться» доходами олигархов с народом, утверждают Асемоглу и Робинсон, олигархическим элитам нужна демократия. Лучше, конечно, демократия ограниченная («управляемая», как в России), она без проблем вписывается в логику ограниченного взаимодействия с мятежным народом в роли возмутителя спокойствия, от которого власть откупается некоторыми социальными льготами для бедных.

Асемоглу и Робинсон дают оптимистичный прогноз, что при определённых условиях для богатых «делиться» становится слишком накладным – тогда им выгоднее немного открывать возможности, чтобы бедные зарабатывали на себя сами (но при этом не становились серьезными конкурентами, ни в экономической, ни в политической сфере). Например, такую нишу для условно свободных предпринимателей создала предыдущая отечественная власть посредством системы упрощённого налогообложения, действующая власть пытается и эту резервацию условно открытой экономики поставить под жёсткий контроль (с целью получения «политической ренты»). Но для осуществления системных реформ, нужно требовать от политиков не «подачки» из бюджета, а свободу и равные возможности в экономической сфере, только тогда демократия всерьёз станет инструментом реформ цивилизованного типа.

Нужно также, чтобы подавляющее большинство украинских граждан поняли, что рыночная экономика – это не «игра с нулевой суммой», а бюджет не может быть бесконечно дефицитным по причине нецелевых расходов и чрезмерных льгот. Поэтому в интересах большинства нужно осознать, что бороться следует не за перераспределение собственности и благ из бюджета, а при возможности правильного хозяйствования и не только за имущественное или доходное равенство, а за институционализированное равенство в правах, и не только за социальную защиту, а за защиту прав собственности. Только тогда Украина превратится в демократическую страну с развитой рыночной экономикой «открытого доступа».

Библиографический список

1. Кудласевич А. Н. Особенности развития предпринимательской среды на украинских землях во второй половине XIX – начале XX в. // История народного хозяйства и экономической мысли Украины. – 2010. – Вып. 43. – С. 91–105.
2. Лазанська Т. И. История предпринимательства в Украине (на материалах торгово-промышленной статистики XIX в.) / НАН Украины, Институт истории Украины. – М., 1999. – 282 с.
3. Олексенко Р. И. Философия, мировоззрение и мораль современного предпринимателя как составная экономико-социального развития общества // Социосфера. – 2013. – № 1. – С. 32.
4. Олексенко Р. И. Философия образования как неотъемлемый фактор экономического развития общества // Социосфера. – 2013. – № 3.
5. Пихно Д. И. О свободе международной торговли и протекционизме. – М., 1889. – 26 с.
6. Туган-Барановский М. И. Политическая экономия. Курс популярный. – М., 1994. – 262 с.
7. Кудласевич А. Н. Особенности развития предпринимательской среды на украинских землях.
8. Douglass C. North, John Joseph Wallis, Barry R. Weingast. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge University Press, 2009.
9. Боярчук Д. Интересная реформистика, или Почему власть не хочет и не может делать реформы? / Д. Боярчук, В. Дубровский // Зеркало недели. – 2012. – № 10.
10. Daron Acemoglu, James A. Robinson, Economic Origins of Dictatorship and Democracy. – Cambridge : Cambridge University Press – 415 p.

© Олексенко Р. И.